

всѣ умственныя и нравственныя силы Германіи“. „И не было ли это развязкою цѣлаго царствованія,—спрашиваетъ Кудрявцевъ:—рѣшеніе Аугсбургскаго сейма не было ли и Карлу послѣднимъ приговоромъ?“

„На протестантскомъ вопросѣ сосредоточены были, въ послѣднее время, всѣ усилія Карла; ему пожертвовалъ онъ другими, болѣе привлекательными, планами... и на немъ онъ потерпѣлъ самое сильное пораженіе. Когда Карлъ надѣялся видѣть вѣнецъ своихъ усилій въ сохраненіи строгаго единства, вопросъ безвозвратно былъ рѣшенъ въ пользу раздѣленія. Всякая попытка измѣнить его рѣшеніе въ противоположномъ смыслѣ была бы безуміемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для Карла закрывалась почти всякая дѣятельность, ибо только при условіи крѣпкаго единства Германіи онъ могъ возобновить свои мечты о всемірномъ владычествѣ и найти средства для успѣшной борьбы съ Турціей. Ожидать отъ времени переменъ къ лучшему было поздно... жизнь Карла склонялась уже къ закату, и ему оставалось только постоянно питаться горькимъ чувствомъ своего униженія, безъ надежды новыми славными подвигами изгладить его изъ памяти своихъ современниковъ“...

„Но сильная душа, недовольная міромъ, мститъ ему тѣмъ, что отворачивается отъ него“. Этими глубоко вѣрными словами Кудрявцевъ, можно сказать, приводитъ своего героя къ самымъ вратамъ монастыря, скрывшаго за своими стѣнами послѣдніе годы его жизни,—и здѣсь историкъ выражаетъ надежду, что онъ оправдалъ себя передъ читателями и объяснилъ, почему онъ не могъ „приписывать послѣднее рѣшеніе Карла усилившимся его недугамъ и болѣзненной мечтательности, повидимому, доставшейся ему въ наслѣдство“, а предпочелъ мнѣніе нѣмецкаго историка реформации, „котораго проникательный умъ и вѣрное сужденіе давно уже угадали истину“.

Читатель статьи о Карлѣ V, конечно, вынесетъ убѣжденіе, что русскій историкъ дѣйствительно вполне выяснилъ свою критическую точку зрѣнія и даже сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ былъ обязанъ, ибо Кудрявцевъ представилъ не только болѣе вѣрное объясненіе удаленія Карла въ монастырь, чѣмъ Минье, но и далъ такую общую его характеристику, что ею ярко освѣщается все царствованіе этого императора, и что изъ нея логично и какъ бы сама собою вытекаетъ вся его политика. Однако вполне ли вѣрна эта характеристика? не могутъ ли важнѣйшія дѣйствія и рѣшенія Карла V быть иначе объяснены? Не слагается ли изъ ихъ разсмотрѣнія и исторической оцѣнки иной образъ знаменитаго императора?